

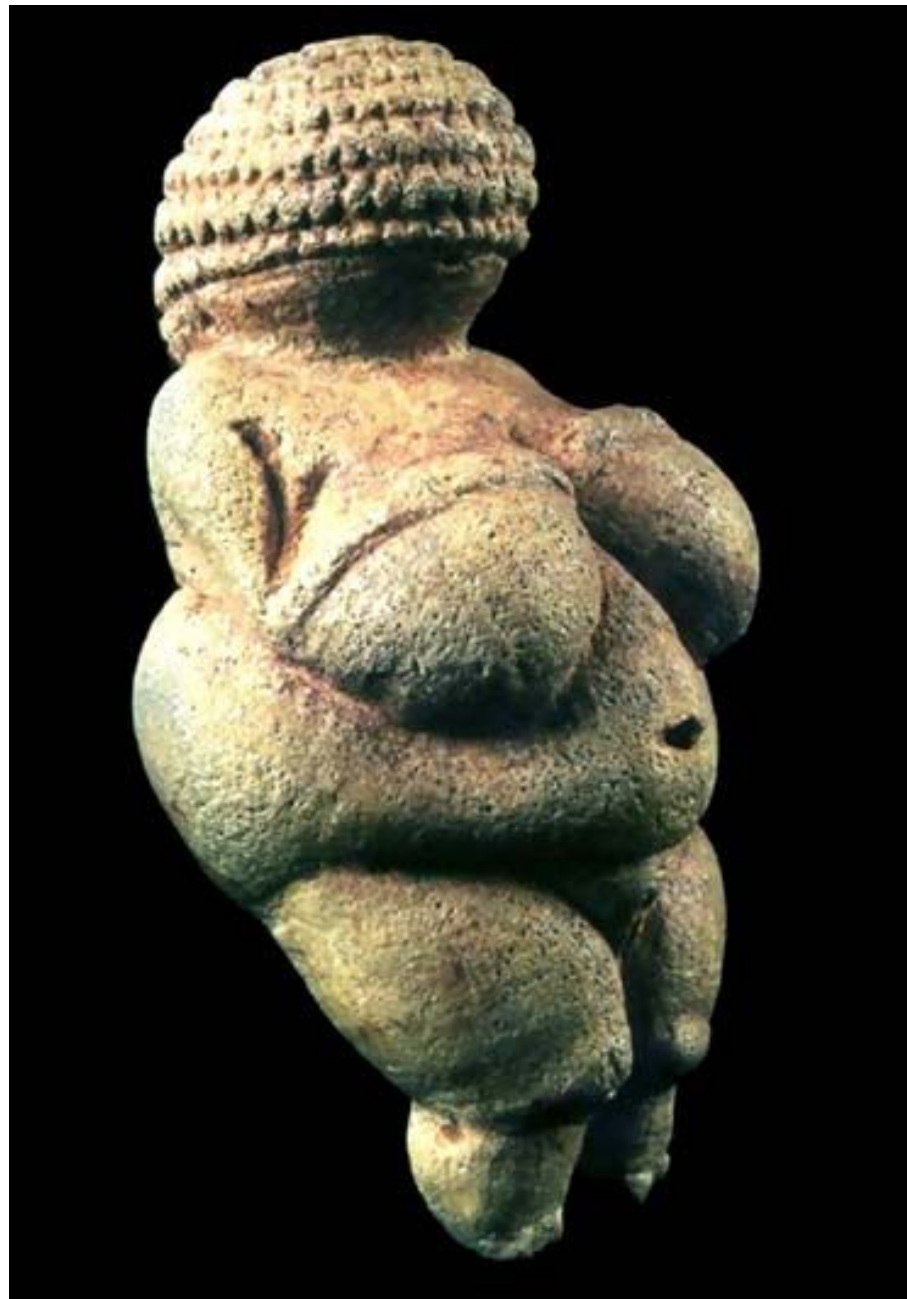
Ренессанс
Авангард →
Новая роль
художника

Байкалова Л.С.

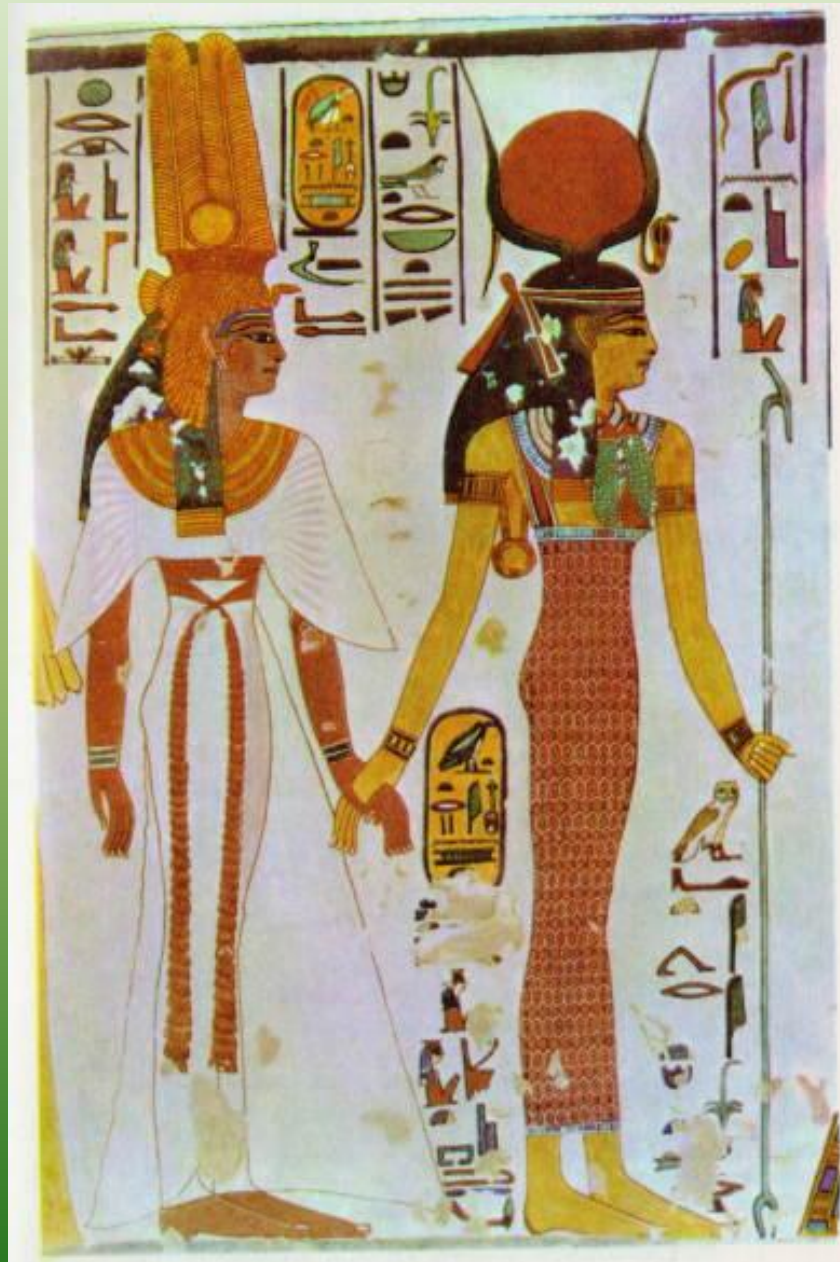
Караульская средняя школа-интернат

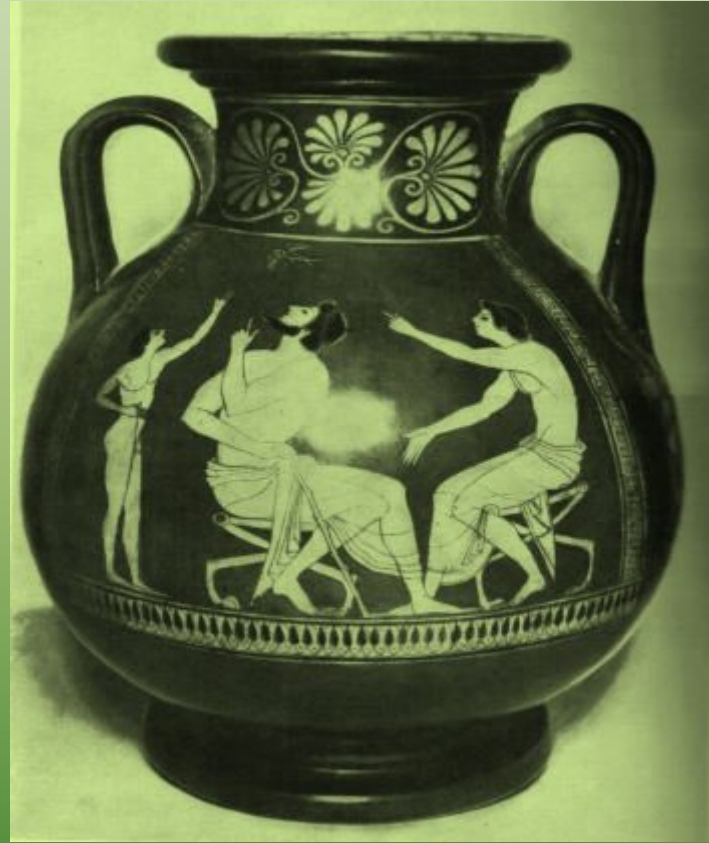
На протяжении веков сложились две позиции, две роли художника:

- **Подражатель, копиист;**
- **Медиум, посредник , проникающий в глубь вещей, за внешнюю сторону видимого мира и обнаруживающий там идеи, высший смысл, законы мироздания.**

Но в определенный момент к
ним добавилась другая.

***Кто изображен на
полотнах?***

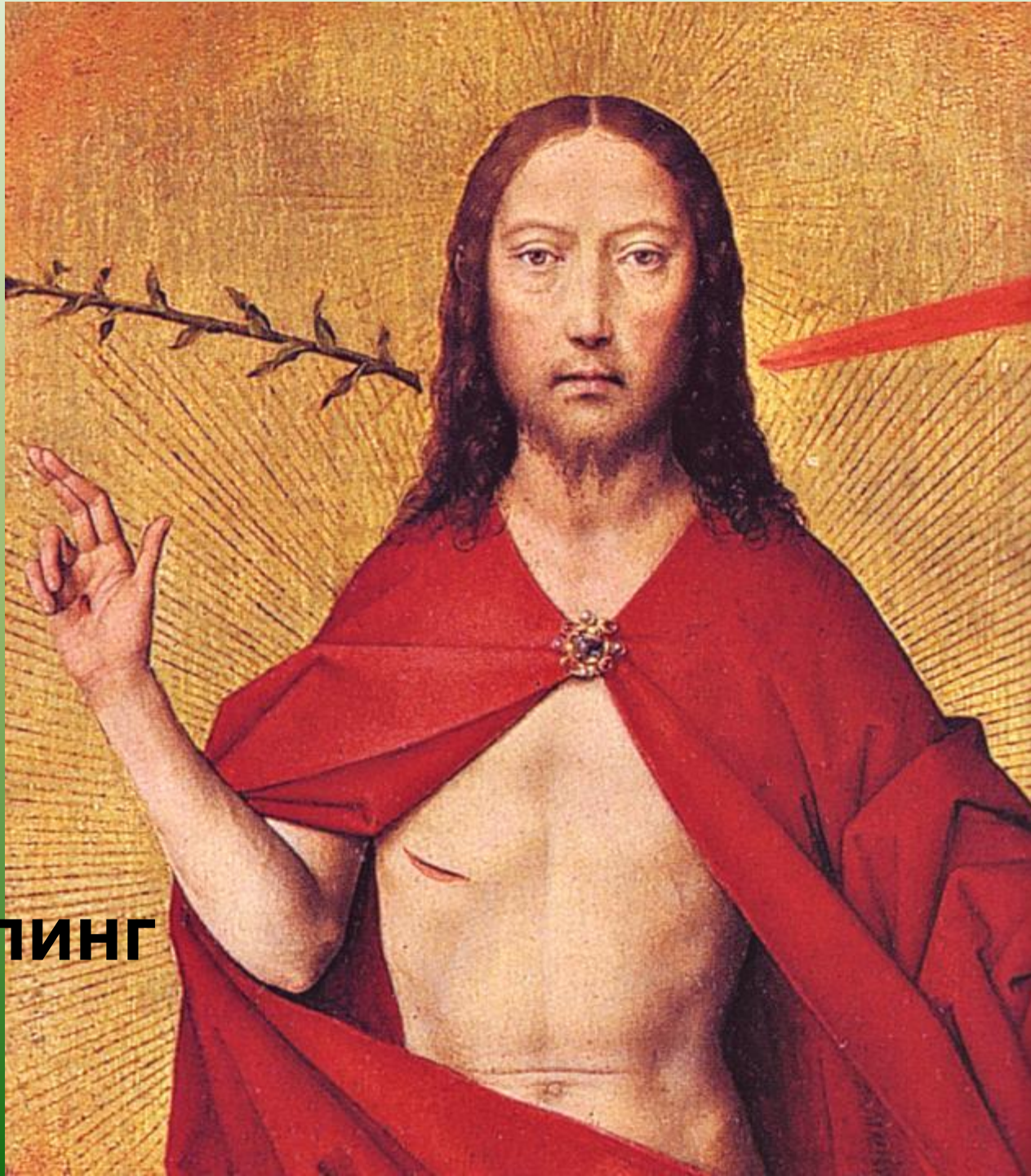

Ян ван Эйк

- Рогир ван дер Вейден

- Ханс Мемлинг

- Альбрехт Дюрер

В эпоху Ренессанса произошел переворот в сознании художника, осознавшего себя как

Бога – творца.

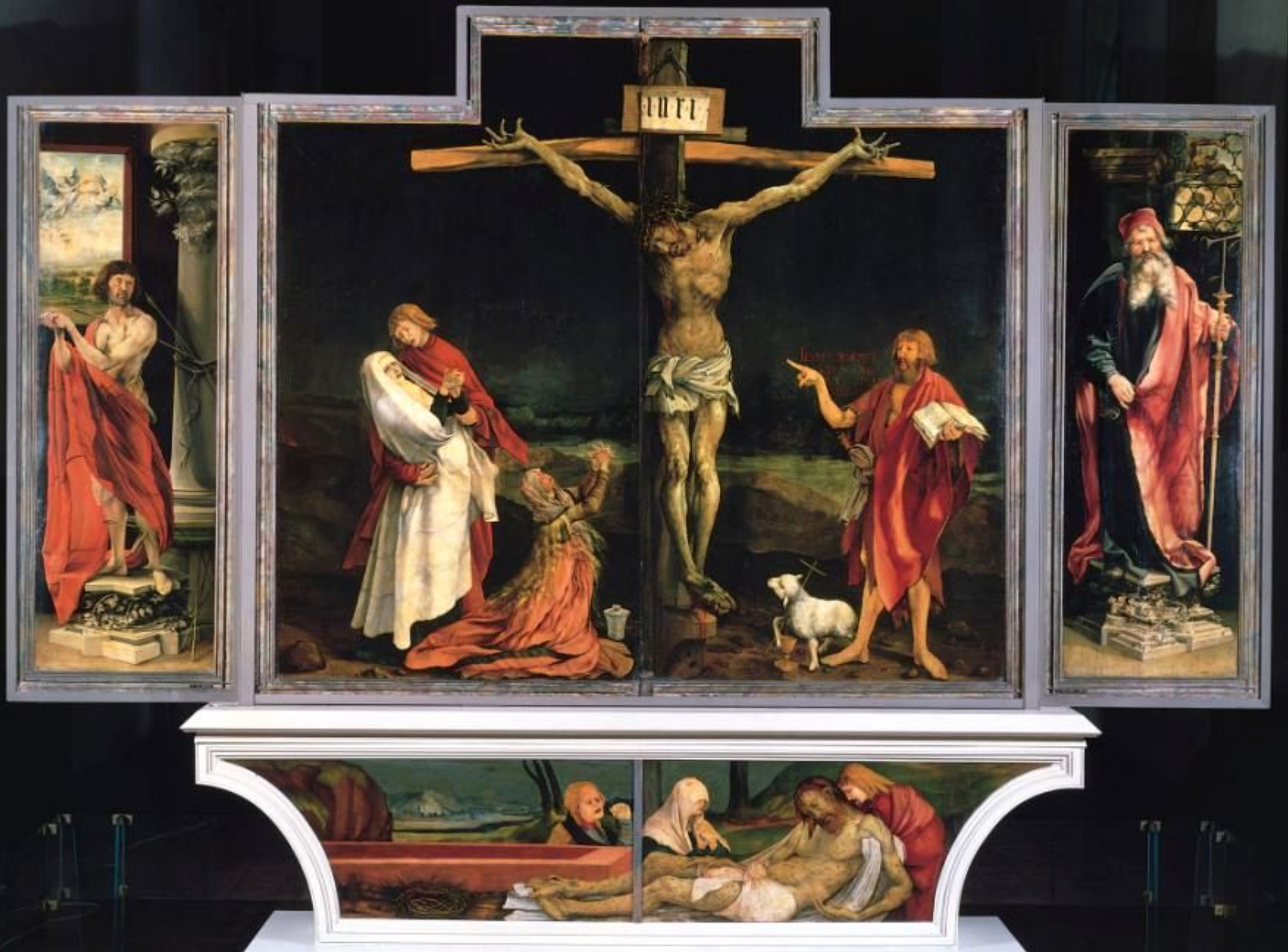
Автопортрет Дюрера для своего времени был величайшей дерзостью, чуть ли не богохульством. Повернуться в анфас к зрителю да еще и посмотреть ему прямо в глаза на картине мог только Иисус Христос. Смертные изображались в профиль, в три четверти или с опущенными глазами, как мужской персонаж на парном «**Портрете четы**

Как автопортрет картина Дюрера неточна. Его лицо не было таким правильным, глаза – меньшего размера. Зато он выглядел более похожим на Христа. То есть ренессансный художник сознательно подправил имидж, чтобы уподобить себя творцу. «Вслед за Богом идет художник», - собственные слова Дюрера.

То есть к ролям копииста-подражателя и медиума – посредника Ренессанс добавил еще одну – **художника как Бога-творца.**

А что же произошло с Богом, на чье место попытался встать художник? Куда он делся? Ответ на этот вопрос – две картины, написанные в то же время, что и автопортрет Дюрера. «Изенгеймский алтарь» Маттиаса Грюневальда изображает Христа на кресте с натуралистическими подробностями и невиданной ранее экспрессией. Скрюченные пальцы сведены судорогой, суставы вывихнуты, тело мертвенно позеленело – это уже не воскресающий Бог, а бранный человек, погибший ужасной смертью. И горе Марии Магдалины не оставляет сомнений –

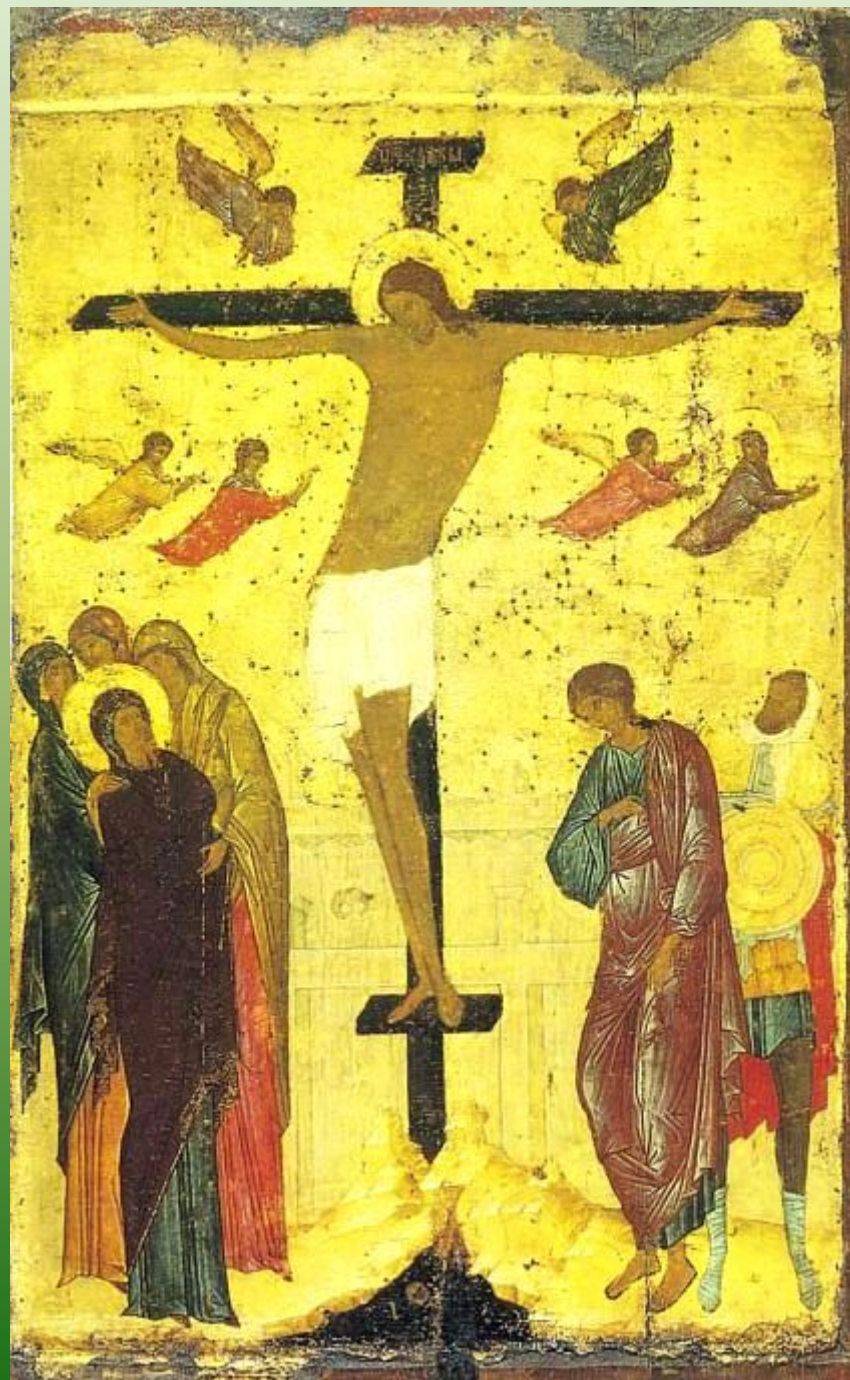

«Мертвый Христос в гробу» Ганса Гольбеина Младшего известна многим. Она поразила Федора Достоевского, когда он осматривал экспозицию Художественного музея в Базеле. Вот как вспоминает об этом его жена. «Эта картина изображает Христа, вынесшего нечеловеческие страдания, уже снятого с креста и предавшегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина поразила Достоевского, он остановился перед нею как бы пораженный. В его взволнованном лице было то как бы испуганное выражение, которое случалось в первые минуты приступа эпилепсии.» **«От этой картины у много может вера пропасть» – слова Достоевского. И это ключевые слова. Почему**

Суть христианства состоит в вере в воскресение Христа. Он – Царь земной и небесный, а не смертный человек, чье тело может подвергнуться тлению. И так его изображали средневековые мастера от Пьеро ди Козимо до Дионисия. Поэтому изображение смерти Спасителя Достоевский воспринял как удар по всей христианской религии.

Картины Дюрера, Грюневальда и Гольбейна обозначили поворотную точку в западноевропейском искусстве.»
Художник – творец, а Бог умер!» – символически провозгласил ренессансный разум этими картинами. Символическая смерть Бога произошла спустя 400 лет и в русском искусстве. И лишь один-единственный русский художник Николай Ге сохранил тему Христа живого, который в картинах Ге – смертный человек, покинутый, одинокий, умирающий на кресте в страшных муках.

Итак, к XX веку искусство подошло с полным осознанием смерти Бога.

Малевич говорил:»Я начало всего, ибо в сознании моем создаются миры». А раз я Бог, я должен создавать, а не копировать, создавать что-то свое, новое, оригинальное, **чего еще не существовало.**

